

ПРИВИЛЕГИЯ СИМОНЫ ДЕ БОВУАР

Женевьев Фрэсс¹

Посвящается Франсуазе Паскье

Хранить память – это настоящее искусство помнить. Ей было бы сто лет в 2008 году, и юбилейная дата навеивает воспоминания. Несколько воспоминаний из этого текста предназначены для того, чтобы сохранить её в памяти. На фабрике памяти можно делать историю.

Я могу предложить путешествие в историю женского мышления и в историю того, «как мыслились» женщины. На протяжении многих лет я возвращаюсь к текстам Симоны де Бовуар и нахожу в них уже проторенные тропы, которые можно использовать, чтобы идти быстрее и дальше. Почему нужно мыслить женщин? Как мыслить пол? Почему эта задача выпала на долю молодой эмансипированной женщины XX века? Каким образом эта женщина, Симона де Бовуар, подходила к решению проблем, справлялась с трудностями? Чтение и перепрочтение её работ превращает наше путешествие в землемерные работы. Я попытаюсь продолжить освоение новых полей знания.

Нет никакого сомнения, что мы изначально размещены некоторым образом в длительной истории женщин, которые мыслили, и в краткой истории женщин, которые коллективно завоёвывали знание и все радости, связанные с его получением. Первая «привилегия» Симоны де Бовуар заключается в том, что она полноценно представляет себя в истории. Это утверждение о принадлежности истории важнее, чем любой вид ангажированности. Уверенность, что для неё есть место в истории, позволила Бовуар преодолеть отрицание её значимости и выйти за пределы этого отрицания. Симона де Бовуар выходит на сцену истории как настоящая актриса. У неё нет ни сомнения, ни страха.

Слово «привилегия» ей знакомо, особенное значение для неё оно приобретает в 1950-е гг. Она называет так три небольших эссе, опубликованных в 1955², использует этот термин во введении ко *Второму полу*, он также входит в экзистенциалистский словарь. Это слово употребляется ею и в единственном, и во множественном числе, оно отражает исключительность ситуации и границу персонального места.

¹ Женевьев Фрэсс – доктор философии, старший научный сотрудник и директор исследований в CNRS (Национальный центр научных исследований, Париж, Франция).

² Beauvoir S. de. *Privilèges*. Paris: Gallimard, 1955.

Привилегия, на латыни, выражает законность (*lex*) и частное, особое (*privum*), то есть формулировку какого-либо закона для некоторых определённых людей. Частный, особенный закон; а точнее, противоположность общего и универсального закона. Привилегия – это «старорежимное³» слово. Когда это слово начало использоваться в экзистенциализме, у него появилось больше и частных, и общих значений. Привилегия – это гарантия, защита от всего, что имеет внешний и, конечно, негативный характер. Привилегия также является силой. Сартр говорил ей:

«Вы были моим привилегированным читателем; когда вы мне говорили: “Я согласна, да, это так”, – так и было; я публиковал книгу и плевал на критиков»⁴.

Раньше «привилегией» называлась санкция на печать, право напечатать. Привилегия удостоверяет написанное, позволяет ему доверять.

Слово «привилегия» также употребляется во множественном числе: есть собственные привилегии Бовуар, привилегии учёной эмансипированной женщины, и чужие привилегии – привилегии представителей определенного класса, например де Сада или Мерло-Понти; хоть эти привилегии не равнозначны, они указывают на измерение исторической ответственности. Привилегия, будь она старая или новая, позволяет осуществлять свободу, но в мире, который остаётся иерархизированным. Вот слова Сартра, взятые из *Ситуаций I*:

«Всем философам, которые строят из себя защитников свободы, можно предварительно задать один вопрос: в какой привилегированной ситуации вы испытали свою свободу?»⁵

Привилегия – это не только преимущество, которым можно пользоваться, но и наслаждение, которое затрагивает область большую, чем оно само. Возможно, использование привилегии могло бы не быть противоположностью общественного блага, общего блага. Локк использовал это слово, иногда переводимое на французский как «прерогатива», именно в таком смысле. Привилегия может быть использована сознательно, и не только для собственного преимущества. Симона де Бовуар учитывает все эти нюансы и осмысляет и позитивные и негативные стороны привилегии.

Я также читала, что она рассматривала себя в качестве «военного корреспондента», проигрывая ситуации как с одной, так и с другой стороны барьера между полами, будучи на боевых позициях, которые занимают и мужчины, и женщины. Корреспондент, мастер эпистолярного жанра, берёт на себя риск, описывает и осмысляет

³ Имеется в виду *l'Ancien Régime*.

⁴ Sartre J.-P. *La cérémonie des adieux, suivi de Entretiens avec Jean-Paul Sartre août-septembre 1974*. Paris: Gallimard, 1981. P. 218.

⁵ Sartre J.-P. (1947) *Situations 1*. Paris: Idées, Gallimard, 1975. P. 382.

это. Его личность нивелируется перед лицом истории, о которой он свидетельствует. Он одновременно и в тени, и на свету. Не правда ли, быть в центре философской, политической истории и рассказывать о ней – это как раз качество Симоны де Бовуар? Что представляют собой её мемуары, если не это? Она далека от интеллектуальных и политических салонов, где женщины долгое время были священнослужителями, салонов XVIII века (конца Старого режима) и конца XIX века (молодой III Республики). Там, где происходило смещение влияния официальной власти, женщины могли оказывать своё политическое «воздействие», влияли на литературу, однако это была относительная и всегда опосредованная власть, хоть и неопровержимая, но в то же время вторичная. Каким бы ни было это влияние, оно всегда оставалось в тени того, кто правил. Я могу только поприветствовать рискованный путь женщины, которая мыслит. Если ты снабжён привилегиями, можно смело мчаться на фронт.

Я думаю, что теперь и мы можем идти вперёд. Во время тех коротких встреч, которые у меня случались с ней, она просила, чтобы в её творчестве видели свободу другого. Могу ли я признать, что передаётся традиция, что есть родственность? Нужно ли напоминать о связи, необходимой для будущих поколений феминисток? Является ли нашей целью следовать исторической линии, перестроенной, построенной исходя из противостояния «положению» женщин? Нет, присвоение является чем-то иным, нежели желанием родственности, продолжения, происхождения или восхождения, согласно её взгляду на жизнь. Если выбрать историю и память как места активности, места, где производятся новые мысли, это способствует тому, что передача опыта происходит лучше, чем при соглашательском и пассивном его восприятии. Кажется, что участие в этом «военном походе» не похоже на принятие дара, наследства. Это жест навыворот, от настоящего к прошлому; это действие, которое делает время видимым.

Нет института, который служил бы для передачи истории женщин; даже в настоящее время, когда, казалось бы, всё изменилось, когда накопление исторического знания позволяет увидеть женщин, занимающихся творчеством. Мы пишем эту историю наизнанку, отважные женщины-историки пишут её от настоящего к прошлому. Женщины-историки и мужчины-историки проводят работу по реконструкции, но она пока не завершена. Когда в 1970-х мы начинали с того, что пытались выявить исторические факты, которые говорили бы нам о борьбе женщин, их политических действиях, о знаковых героинях, искали пропавшие тексты, это делалось без всякой помощи солидных собраний исторических книг, официальных версий, без разнообразия различных точек зрения, выработанных не одним поколением. Между историей рабочего движения, которая уже осела в умах, и историей ментальностей, которая была завоевана долгой, ничем не примечательной историей, история феминизма казалась чем-то почти неуместным. На ней

ставили клеймо активизма. Чтобы рассмотреть вопрос хотя бы об исторических героинях, исторических фигурах, выдающихся личностях, наши исследования должны ещё пройти через открытия и переоткрытия в истории героинь-творцов. Конечно, мы не будем ограничиваться добавлением недостающей статьи в энциклопедии или включением в учебники по истории забытого персонажа, который может вызвать любопытство современного читателя. Мы начнём с того, что заглянем за кулисы истории признанных людей, находя едва заметные следы, которые оставили их спутницы и сообщницы, также будучи творцами. Если Камилла Клодель завоевала автономию, если Ли Миллер стоит на стороне Ман Рэя, то что говорить о Герде Таро, затерявшейся за Робертом Капа, Унике Цюрн – за Хансом Беллмером, Софи Тойбер – за Хансом Арпом и множестве других. Мы освещаем фигуры, оставшиеся в тени великих мужчин, по-новому смотрим на пары художников, таких как Фрида Кало и Диего Ривера, которые даже сегодня не полностью освещены. Эта работа сейчас ведётся, и она набирает обороты...

Введение в оборот исторических фигур совершается также с помощью нарушения границ, от большой истории отделяется небольшой период, производятся незаметные сдвиги. Это повторяется от одной личности к другой, но Симона де Бовуар – совершенно исключительный случай, она всегда присутствовала на фотографиях; её никогда не забывали, даже когда она была в тени знаменитого мужчины. Этот примечательный факт заслуживает того, чтобы подчеркнуть его значимость. Она появляется наравне с Сартром, и это видно не только на фото, она не следует классической схеме отношений музы и гения, вдохновительницы и творца, которая всё ещё имеет смысл в XX веке. Роли, издавна распределённые между женской сущностью как источником и мужской – как производящей. И переход этой границы был преимущественно недопустим, в частности, на заре эры демократии.⁶ Симона де Бовуар избавляется от гнёта незывлемой формулы этой традиции: «Гением не рождаются, им становятся», – пишет она в 1949.⁷ Она не видела в этом проблему, она не рассматривала это как то, что её обуславливает. Она ломает, или, скорее, меняет мифическую схему разделения на музу и гения. Она провоцирует сомнение в том, какова сила взаимного влияния и важность каждого. Кто на кого влияет? Кто кого вдохновляет? Об этом спорят даже сегодня. В том, что этот вопрос остаётся на повестке дня, я вижу доказательство того, что Симона де Бовуар, несомненно, останется в истории. И если некоторые высказывают сомнение в этом, то потому, что всё ещё продолжается сопротивление творческой активности женщин со стороны традиции.

Бовуар принадлежала всемирной истории ещё до выхода на сцену. Но только благодаря тому, что она получила в наследство и

⁶ Fraisse G. «*Le génie et la muse*». *La Controverse des sexes*. Paris: PUF, 2001; Fraisse G. (1989) *Muse de la raison*. Paris: Folio-Gallimard, 1995.

⁷ Beauvoir S. de. *Le Deuxième sexe*. T. 1. Paris: Gallimard, 1949. P. 222.

что оставила после себя. Нет нужды возвращать в исторический нарратив упоминание о её существовании, потому что её личность не исчезла в тени великого мужчины, Жан-Поля Сартра. И тем не менее, она является нам в дискурсе косвенно, можно сказать, в профиль. Мы увидим далее, что понятие привилегии, которое она употребляет для обозначения своей особенности, одновременно является и утверждением, и вызовом. Она нуждалась не только в том, чтобы верить в себя, но и в смелости. Я, конечно, восхищаюсь этим. И поэтому если история женщин всё ещё не приобрела форму наследия, если она не передаётся посредством участия в ней, нужно овладеть ею и сделать свой выбор в пользу связанности, общепризнанной её передачи.

Нам достаточно следовать по одному из путей Симоны де Бовуар, который заключается в использовании «привилегии мышления». Мы можем усомниться в том, правомерно ли употреблять термин «привилегия» в качестве цели, которую нужно достичь, ведь это скорее средство, инструмент в ситуации, где происходит осуществление свободы. Следует также знать, как его можно использовать. Привилегия вовсе не является данностью, как во времена Старого режима, неким неоспоримым преимуществом; в наших демократиях она является результатом завоеваний, принадлежащим любому существу. Привилегия может стать привилегией всех, после того как она была привилегией касты. Привилегия всегда предположительно является привилегией каждого; например, в конце *Экзистенциализма и мудрости наций* (*L'existentialisme et la Sagesse des nations*) де Бовуар пишет:

«Моральность не является ничьей привилегией, и любой может её достичь»⁸.

Акцент сделан на истории, возможной в будущем. Особенно прозрачен политический смысл: в привилегии нет никакого смысла, если она не является для всех чем-то хорошим. Симона де Бовуар завоёвывает привилегию только во имя общего блага. Второй смысл слова «привилегия» заключается в том, что частный закон не сохраняется для маленькой группы, а направлен на то, чтобы поддержать общий проект. Не следует забывать о том, что *Второй пол* заканчивается словом «братство». Это не раз отмечалось, но в этом никогда не искали философский смысл, и мы поговорим об этом позже. Это слово отсылает нас к республиканской коллективности – слово, означающее тотальность свободных и равных существ при демократическом устройстве. И тем не менее, в это слово вписана область осуществления власти братьями, которая, когда мы произносим его, ценится постольку, поскольку она мужская. Симона де Бовуар сознательно не замечала его, потому что отказывалась от участия в «войне полов», воображаемой или

⁸ Beauvoir S. de. (1948) *L'existentialisme et la sagesse des nations*. Paris: Nagel, 1986. P. 44.

реальной. Война, конфликт, противостояние – мы увидим, что она ошиблась, не приписывая подобные отношения полам.

В одном своём давнем тексте я не скрывала, что забросила чтение *Второго пола*, интересуюсь поступками и размышлениями, о которых речь шла во введении, и точной методологической совокупностью больше, чем последовательным антропологическим рассмотрением «положения» (condition) женщин. Я далее скажу о том, как неправильно я понимала слово «положение», такое привычное после 1950-х гг., ведь оно так часто встречается в экзистенциалистских текстах, включая те, что вышли из-под пера Симоны де Бовуар. Я скажу также о своей растерянности перед её трактовкой истории женщин и перед тем, как она понимала место женщин в истории. Это случилось потому, что я прочитала заключение, не прочитав полностью текст. Заключение было прочитано мной, когда мои подруги назначили меня ответственной за вступительную лекцию на семинаре, посвящённом пятидесятилетию книги, в 1999. Не ленность стала причиной того, что я забросила чтение, ведь все знают, что множество женщин находили свои мысли и свои действия в этой книге в оформленном виде, множество женщин благодаря ей нашли силы жить. Ленность студентки философского факультета не была этому причиной, потому что она с жадностью изучала мысль женщин, оставивших след в истории философии. Несомненно, в те времена, когда мне было 20 лет, и после 1968-го, в период расцвета феминизма, доказательства были бесполезны, я была погружена в атмосферу радостного активизма, которая способствовала ясному пониманию. У меня не было нужды разоблачать жёсткую модель традиционной женственности, потому что моя мать, Симона Фресс, была интеллектуалом того же университетского круга, что и Симона де Бовуар, хотя и приходилась матерью четырём детям.⁹ То, что у женщины была интеллектуальная профессия, вдвойне изменяет перспективу: отныне противоречивым являлся образ «женщины у домашнего очага», в то время как стала возможной идентичность женщины-интеллектуала. Это поколение французских женщин-интеллектуалов открыло путь для эмансипации.

Тезис о противоположности между рождением женщиной и становлением ею, вывернутая наизнанку противоположность природы и культуры, биологии и социума, казался мне само собой разумеющимся. Экзистенциализм создал теорию приоритета существования над сущностью, «становление женщиной» явилось преодолением «рождения женщиной». Я была убеждена в этом заранее. Я не видела в движении истории мужчин того, что могло быть действительной причиной для утверждения незыблемости женской

⁹ Симона Фресс (1913–2004) являлась профессором литературы в Сорбонне. Её научная работа, со времени агрегации в 22 года и до публикации трудов по истории литературы, была примером интеллектуального открытия, сделанного женщиной в XX веке. Работы посвящены Шарлю Пегю, Симоне Вейль, Эрнсту Ренану; см.: Fraisse S. *Le mythe d'Antigone*. Paris: Armand Colin, 1974.

природы, я не понимала, почему женщины ускользали от правила историчности. Наоборот, были все причины для того, чтобы согласиться с тем, что становление женщиной является двигателем человеческих отношений. Такое заключение я сделала из известной фразы, остроумного утверждения, которое означало, что мы, женщины, были существами историческими. Это заключение остаётся, на мой взгляд, более сильным, чем сегодняшняя квир-теория, которая только балансирует между полом и гендером, биологическим и социальным, даже если для этого пол размывается в пользу гендера и из социального пола фабрикуется причина биологического пола (а не наоборот). Материалистическое видение пола стимулирует активизм, но в нём, к сожалению, не хватает историчности, последовательного разворачивания практики и опыта, которые отличались бы от специфичности развития отдельного индивида, его собственных поисков самоопределения. В действительности, для современных феминистских теорий принадлежность женщин истории остаётся фактом, который нуждается в доказательстве. Но споры об идентичности скорее укрепляют мнение о существовании женской сущности, чем ставят проблему в исторической перспективе, и они являются делом частного определения, а не коллективного производства. Симона де Бовуар ввела становление женщины в качестве нового исторического принципа, она пообещала, что впоследствии отношения между полами изменятся. Читая её, я понимаю, что история была обещанием.

Симона де Бовуар умела писать так, что становилась понятной имплицитная связь между индивидуальным и коллективным. История вытесняла противоположность между биологическим и социальным. Она действительно выбрала эвристическую модель, отличную от пары природа/культура, иную объяснительную формулу для «того-же» и «другого», для пары тождественность/инаковость. Женщина всегда Другой, и Симона де Бовуар стремится производить анализ из этой перспективы. Поэтому на немецкий язык её книга была переведена под названием *Das Andere Geschlecht* (*Другой пол*), другой, но не второй. Я считаю, что это решение менее интересно, менее интригующе, чем теоретическая предпосылка оригинального названия с идеей «двух» и «вторичности». Конечно, рассмотрение «другой» позволяет такие диалектические повороты, которые невозможно помыслить в случае «второй». Иерархия одного и двух больше указывает на пространственность, чем на инаковость; но инаковость всегда можно подвергнуть переосмыслению, а отношения пересмотреть. Таким образом, нужно понять, что «то-же» не есть тождественное, и «иное» не есть отличное; «то-же» означает однородность, а другое отсылает к инаковости. Симона де Бовуар также анализировала «отношения» между двумя, «мужчиной-тем-же» и «женщиной-другим»; рассматривала, возможна ли связь между одним и другим полом; и я добавляю, что именно эта связь создаёт историю. В качестве названия она выбрала термин «два», настаивая на иерархии, относи-

тельности, вторичности; или, скорее, это название выбрал Бост¹⁰, когда она колебалась между «другой» и «второй». Теоретическая модель оппозиции «того-же» и «другого», тем не менее, остаётся в центре её внимания. Впрочем, не исключено, что, смешивая эти образы – второй и другой, два и другость, – она сгущает диалектику движения эмансипации, сконструированного с помощью этой книги.

Добавим, что, помимо схем натура/культура и «то-же»/«другое», возможна третья модель, третья бинарная оппозиция, а именно: модель постоянного конструирования отношений между субъектом и объектом. У Симоны де Бовуар есть тенденция отождествлять Другого и объект, который вынужденно является объектом по отношению к Тому-же как субъекту, субъекту Того-же. Итак, конструирование, или деконструкция, современного субъекта, в данном случае женского субъекта, свидетельствует о невозможности упразднить традиционное место объекта, которое занимают женщины: они остаются объектом, и в частности – объектом обмена. Другой и объект – пересекающиеся понятия, несмотря на то что предпринимаются попытки преодоления объективирующей другости. Тем не менее, мы должны констатировать, что ситуации, в которых женщины используются как объекты обмена, всё ещё имеют место, несмотря на достижения отдельных субъектов. Я могу сказать, что несоответствие, возникающее вследствие того, что женщины становятся субъектом и в то же время продолжают существовать в качестве объекта, необходимо осмыслить¹¹; и ни в коем случае не упускать из виду историчность.

Но почему так много тех, кто следует объяснительной схеме, противопоставляющей природу и культуру, допускает возможность критиковать природу, влиять на культуру, деконструировать биологический пол, выявлять социальный гендер? Почему так мало будоражащих идей, как будто бы больше нечего сказать, когда есть определённое понимание конфликта между врождённым и приобретённым, данностью предписанного и сконструированностью относительного? Несомненно, так происходит потому, что соотношение природы и культуры изначально насыщено критическими значениями. И, надо признаться, сегодня эта схема исчерпала себя. Мы изучили её вдоль и поперёк; это отношение использовано во всевозможных вариациях, в целях объяснения, для критики, эмансипации. Сейчас, когда мы сомневаемся в том, где проходит граница между двумя этими, как будто бы отдельными, областями: биологическим и естественным, с одной стороны, социальным и культурным – с другой, – эта схема больше не является эвристичной. Она нам больше не помогает мыслить. Конечно, я не хотела бы сводить тезис *Второго пола* к высказыванию о том, что «женщиной не рождаются, женщиной становятся», и упро-

¹⁰ Beauvoir S. de. *La Force des choses*. Paris: Gallimard, 1963. P. 185.

¹¹ Fraïsse G. Devenir sujet, permanence de l'objet // *Nouvelles Questions Féministes*. 2005. Vol. 24, №1.

щать его до такой формулировки, что биологическое (само по себе противоречивое) включено в социальное. Но этой фразой сказано всё, включая указание на возможность дальнейшего исторического развития. Что касается противопоставления природы и культуры, то оно порождает бесконечную объяснительную цепочку; здесь нет никакой тайны.

Действия Симоны де Бовуар можно назвать военным походом против тех стереотипов, которые предписывают женщинам определённое место в обществе. В этом походе она успешно разбивает позиции врага, и этот факт в пользу возможности выбора. Выбор, на мой взгляд, остаётся значимым до сих пор и до сих пор вдохновляет. Какая мысль привела её к решению написать *Второй пол*? Акт письма и обусловленность философскими взглядами создают ситуацию убеждения. Выбор собственного *cogito*, эксплицитное выражение своего «я мыслю», всегда отличается оригинальностью. Я неоднократно, в том числе и со студентами, читала и перечитывала введение во *Второй пол*, где Бовуар говорит о привилегированности женщины, которая мыслит, о привилегиях, которые женщины отныне разделяют с мужчинами, о завоёванных ими знаниях. Давайте рассмотрим это вступление.

Решение мыслить – это простое действие. Мы знаем, что претензия на равенство полов, возникшая в эпоху модерна, встретила в качестве основного препятствия сомнение относительно разумности женщин. Сомнение, что у женщин такой же разум, как и у мужчин, – вот главный аргумент, используемый для того, чтобы отвергнуть требование равенства полов. Иметь такой же разум, как у мужчин, и хотеть пользоваться им означает не только то, что женщины способны пользоваться им и имеют на это право, но и наслаждаются этим. Здесь мы возвращаемся к писательнице Симоне де Бовуар, которая уверена в том, что разум может быть использован всесторонне, хотя прежде всего, чтобы им наслаждаться.

Удача

О том, как, не зная трудностей, Бовуар не знала и счастья.

«Я вовсе не страдала от своей женственности, я скорее совмещала, с 20-ти лет, преимущества обоих полов... Именно эта ситуация привилегированности способствовала тому, что я написала *Второй пол*. Она позволила мне излагать свои мысли со всей ясностью».¹²

Это классическая история девушек, француженок, вошедших в мир мужчин посредством знания, в частности с помощью образовательного процесса, демократизация которого стала исторической реальностью. В течение XX века благодаря общеобязательной школе (школе, открытой любому) образование перестаёт быть преимуществом в процессе социального становления личности. В XX

¹² Beauvoir, *La Force des choses*, op. cit., p. 207.

веке общеобязательность стала с течением времени называться «равенством возможностей»; девочки, вдруг попавшие под условие обязательности, позже оказались в элитарных зазорах системы. Симона де Бовуар является классическим примером продвижения образованных женщин по карьерной лестнице благодаря республиканской системе образования. Система образования позволяла пересекать воображаемые и социальные границы таким образом, что никто не обращал на это внимания; хотя семьи всегда замечали завоёванное таким образом социальное пространство и создавшую этим свободу. Успехи в учёбе позволяли девочкам входить в сферы, которые прежде были мужскими, и это освобождало их от семейной опеки, зачастую чрезвычайно консервативной. Таким образом, девушка могла принимать участие в агрегации¹³, доступной прежде исключительно мужчинам.

«Получить агрегацию по философии означало получить особую привилегию, в отличие от других женщин. Меня вдруг стали признавать мужчинами».¹⁴

В романе под названием *Всё учтено (Tout compte fait)* она скажет, что удача была «путеводной нитью» в её жизни. В XX веке, который лучше всего охарактеризовать произошедшими всемирно-историческими трагедиями, эмансипация женщин шла своим путём; Симона де Бовуар получила от этого выгоду, равно как и женщины моего поколения. Эмансипация явилась достижением нашего столетия, щедрого на несчастья. Быть двадцатилетней девушкой в 1968 стало для меня большой удачей, я получила шанс избежать ошейника 1960-х (период молчаливого соглашательства); это – удача быть современницей «революционных» прав контрацепции и аборт, шанс поучаствовать в утопических проектах, пока ты молод.

В период между войнами у Симоны де Бовуар происходило так называемое «совмещение» преимуществ юноши и девушки, аккумуляция мужской свободы и женской воли, совмещение возможностей и рисковать, и соблазнять. Мы можем представить в подробностях чистые преимущества каждого пола; в рассказе Симоны де Бовуар важно то, что преимущества, завоёванные обоими полами, дополнялись преимуществами обоих полов. Мы совершим ошибку, если будем детально рассматривать содержание того или иного преимущества, потому что это почти не имеет значения для того, чтобы иметь возможность испытывать свободу, обещанную их сочетанием.

Решение писать о женщинах явилось результатом того, что Симона де Бовуар чувствовала свою силу, а не того, что она признавала свою слабость и собственные трудности. В этом акте сопро-

¹³ Общенациональный конкурс на замещение должности преподавателя лица или высшего учебного заведения. – *Прим. перев.*

¹⁴ Francis C., Gontier F. *Les écrits de Simone de Beauvoir*. Paris: Gallimard, 1979. P. 488.

тивления не подразумевается негативность. Молодая интеллектуалка была уверена, что в истории полов для неё найдётся место, если она создаст прецедент преодоления преград. Сочетание преимуществ претворилось в привилегию, заслуживающую нашего внимания, – в ясность изложения мыслей. Ясность мысли – это, несомненно, сестра её объективности. Ясность требует от излагающего несравненного уровня рефлексии и навыка письма. «Именно невозмутимость раздражает многих из моих читателей-мужчин». Она была невозмутима; а для того чтобы быть невозмутимой, необходима дистанция. Можно быть ясным самому по себе, что достигается внутренним упражнением, практикой мудрости. Ясность видна в том, какой выбор поведения совершается, какое решение принимается. На подмостках взаимоотношений между полами ясность является достоинством, отражающимся и в мудрости, и в избираемой стратегии.

У Бовуар не было проблем в начале пути, и в этом состояла её привилегия. «Положение» женщин, обусловленное неравенством и отягощённое чувственностью, не является данностью для новых женщин, которые стали первыми в этом столетии женщинами – дипломированными специалистами и приобрели привилегии в связи с этим. Вполне допустимо, не имея личного опыта неравенства полов, хотеть рассказать о нём, проанализировать, объяснить. Здесь следует сделать важное замечание: причина необходимости объяснить феномен неравенства не в том, что негативный опыт повлиял на теоретические рассуждения – описание переживаний не требует того, чтобы исследователь обладал опытом, о котором идёт речь. Проще говоря, Симона де Бовуар свободна от редукционистского детерминизма между биографией и письмом, как и любой мыслитель. Данное замечание имеет значение, потому что оно касается меня и многих других: писать об истории женщин означает ускользать от биографического. Скажете, что это банально? Проблема близости объекта анализа тому, кто его исследует, всегда остаётся актуальной, поскольку велико искушение подчеркнуть близость между автором и «женщинами» в качестве темы исследования. «О женщинах» пишут только из психологической необходимости, для того чтобы решить свои личные проблемы... В теоретизировании они способны лишь на перенос субъективной истории, они могут лишь рассказывать о пережитом под видом рассуждений. Ницше, как и многие другие писатели и философы, предполагает, что женщины, которые вооружаются «духом научности», могут всего лишь «изъясняться на свой собственный счёт»; и это скорее к несчастью, поскольку объяснения – это «мужское дело, привилегия мужчин»¹⁵, очевидная привилегия, так как женщины не имеют ни малейшего отношения к истине. И прежде всего потому, что истину можно принять за женщину, что

¹⁵ Nietzsche F. *Par-delà le bien et le mal*, § 232.

объясняет привилегированное положение мужчины, ведь только он может её достичь...

Соблазн отождествления женщины с её творчеством является постоянным источником заблуждений, как будто бы личные чувства отпечатывают биографию в произведённом анализе; но анализ должен преодолевать даже выдающуюся индивидуальность. «Я знаю всё о вагине вашей предводительницы», – сказал Франсуа Мориак в 1949.¹⁶ Но речь идёт не об этом; или, скорее, речь об этом пойдёт позже и в другом контексте, после 1950 года, когда Бовуар начнёт писать автобиографические *Воспоминания*. Но *Воспоминания*, в отличие от *Второго пола*, написаны без привлечения привилегии. Биографическое, ставшее центром повествования в *Воспоминаниях*, пришло после рефлексивной работы, после анализа второго пола.

«Эта книга была написана почти случайно; захотев сказать о себе, я решила, что нужно было бы описать положение женщин вообще».

«Я чувствую, что становлюсь чем-то достаточно определённым: мне будет 32 года, я чувствую себя завершённой женщиной, и мне хотелось бы знать, какая я. В чём я “женщина”, например, в какой степени я ею не являюсь?»¹⁷

Нужно начать работу по описанию всех женщин, чтобы понять саму себя. Она изначально сумела найти выход из тупика, в который Ницше загнал женщин: «*Mulier taceat de muliere*» – «Женщина должна молчать о женщинах», – заключил он, преобразовав хорошо известный христианский императив: *Mulier taceat in ecclesia*. Требовать от женщин тишины в доме Бога, запрещать им понимать друг друга... Жуткие предписания... Итак, Симона де Бовуар пытается объяснить нечто относительно самой себя. И это получается у неё так хорошо, потому что прежде она обратилась к универсуму положения женщин. Двойной переход, двойное объяснение, касающееся как всех женщин, так и её саму. С другой стороны, трансформация традиции молчания о женщинах дублируется новым теоретическим методом: биографическое признаётся как таковое, оно формулируется в соответствии с теорией, ясно очерчивается, понимается как массив написанного. Рассказ о себе не остаётся в теории скрытым текстом; напротив, благодаря концептуальной обработке он получает в ней свободу. Изменился гипотетический порядок приоритетов. Симона де Бовуар производит поразительную аналитическую работу, в которой нет ничего общего с другими способами познания себя, например с исследованием бессознательного. Поразительно положение женщины, которая осознаёт себя настолько, что может охватить весь мир, чтобы включить себя в него, найти себе место в нём. Она раз-

¹⁶ Советую обратиться к сборнику, составленному Ингрид Гальстер; см.: Galster I. *Le Deuxième sexe de Simone de Beauvoir*. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2004.

¹⁷ Beauvoir S. de. *La Force de l'âge*. Paris: Gallimard, 1960. P. 431.

деляет с Сартром уверенность в том, что у неё есть что сказать и что написать. Эта уверенность встречается редко, исключительно редко. Она есть у неё, и Сартр убеждает её в том, что она имеет на это право, в том, что это очевидно. Я не идеализирую эту ситуацию; я констатирую исключительность тех определённости и уверенности, которыми обладала Симона де Бовуар. Творческие личности, которые были счастливы в своём интеллектуальном или художественном товариществе с женщиной, но неспособные по справедливости оценить это товарищество, творчество, сотрудничество, такие личности уже стали историей. Вопрос не в этом, и никогда не состоял в этом.

Мания величия молодого профессора философии или скромная попытка рассмотреть свой внутренний мир в масштабах судьбы человечества? Разговор обо всём на свете требует знаний. Необходимость приобретения необходимого знания не пугает Бовуар, она проводит дни напролет в Национальной библиотеке. У неё были все данные для того, чтобы получить знания и вернуть их читателям и читательницам. Во вступлении ко *Второму полу* она без колебаний присваивает себе привилегию мышления.

Цель Бовуар состояла в том, чтобы узнать, в каких областях она является женщиной и в каких ею не является. Не имеет значения, что в ней от женской природы, а что происходит из стереотипов о женщине, присущих культуре, – всё это, с точки зрения специфичности отдельного существа, смешано в одном сосуде. Симона де Бовуар анализирует всю жизнь женщин только для того, чтобы познать саму себя, узнать себя как уникальное и самобытное существо. Моделью для неё стал *Возраст мужчины (L'Age d'homme)* Мишеля Лейриса, где самость и мир смешаны, и именно это обнажает текст. Какова доля женского в ней, какова доля иного, возможно мужского, – это не проговаривается. Мы не узнаем этого. Выражение «оформившаяся женщина», как она говорит о себе, можно понимать как указание на завершённость, законченность женщины, на то, что можно исследовать границы этой женщины. Но не всё в ней можно отнести к области женского. Когда она предупреждает о том, что она «совмещает» преимущества двух полов, то подразумевает, что производит операцию сложения женщины и мужчины; она утверждает, что находится в ситуации использования преимуществ, привилегий каждого из двух полов. Когда её исследование касается определения её самой, содержания её собственного женского существа, она оставляет вопрос открытым. Её внутренний мир уникален, но постичь саму себя она может только с помощью общего глобального знания; используя выражения из словаря экзистенциалистов, можно сказать, что её ситуация объяснима только исходя из её положения.

Она пренебрегает двумя интеллектуальными традициями: у неё нет никакого сомнения в уместности её женского мышления и она выбирает мыслить женщин универсально, а не исходя из уникальности своего существа. Если наслаждение привилегией имеет

нечто общее с осуществлением свободы, я должна сказать, что восхищаюсь этой практикой свободы.

Как познать женщину, женщину-субъекта данного столетия и данной страны, отдельную женщину, исходя из общих знаний о коллективном положении? Как её помыслить одновременно и в своеобразии, и в универсальности? Здесь вводится различие между мужчиной, который мыслит, и женщиной, которая мыслит.

«Теперь я знаю, что для того, чтобы описать себя, я должна сказать прежде: “я женщина”; но моя женственность не становится для меня ни помехой, ни алиби. В любом случае, она является данностью моей истории, а не её объяснением».¹⁸

По привилегии, полученной от совмещения преимуществ двух полов, а не ввиду своего угнетённого положения, инструментализации ситуации, или противоречивых чувств. Личная история не становится для неё ключом для объяснения. Наоборот, этот ключ она находит в теории; теоретизация второго пола позволяет писать о личной истории. Банальность проживания истории и последующего рассказа об этом уже в прошлом, масштаб же *Воспоминаний* Симоны де Бовуар был иным, на мой взгляд: это был рассказ о себе, который стал возможен благодаря тому, что она поместила себя в перспективу всей эпохи, всего пространства мышления. «Данность» её собственной истории вовлечена в мировую историю. Если говорить на языке феноменологии, видение мира, его освещение осуществляются исходя из «данности», из того, что нам дано. Но это не является объяснением, которое можно вывести из биографии, потому что мир даёт лучшее объяснение, чем индивид. Подобное объяснение не является травмой, такую причину, которая объясняет саму себя, нельзя назвать биографией, это – привилегия мышления.

Для негативного нет места в текстах Бовуар, потому что оно является препятствием, в котором можно увидеть «преграду» или стратегический ход, «алиби». Женственность является препятствием, если она находится между утверждением половой позиции и исследуемым объектом. Женственность как преграда или как алиби – это женственность рабыни, бессубъектность, а не женственность эмансипированной женщины. Симона де Бовуар избегала ставить негативные цели. И тем не менее, кто может упрекнуть её в том, что она игнорировала страдания женщин? В её романах эта тема раскрыта сполна. Она не создавала позитивных героинь, которые могли бы быть моделями эмансипирующей идентичности. Во всём разнообразии её текстов, в романах, эссе, мемуарах, предлагается оригинальный и удивительный путь. Личность автора, кажется, находится вне игры, её место нельзя точно указать. Или, если мы попытаемся понять её: она просто признаёт своё половое бытие присутствующим в мире.

¹⁸ Beauvoir, *La Force de l'âge*, op. cit., p. 376.

Мир и данность не являются абстракциями, они требуют, чтобы субъект был признан в ситуации. «Я женщина», – говорит она; это отправная точка для дальнейшего описания. Она хочет описать себя, написать о себе, делая это в форме воспоминаний, – и прежде всего понять существование женщин, называемых «вторым полом». Описать себя: «описать» – удивительный глагол, потому что в нём акт литературного творчества отягощается, смешивается с теоретической целью.

Теория предшествует литературному произведению, а не наоборот; биографическое придёт вследствие мышления, после теории, а не до. Но мышление является именно мышлением некоторого я, и то «я», которое является «я» в некоторой ситуации, имеет пол. Сартр сказал ей, что у неё нет выбора, потому что нужно, чтобы она считалась с этой частной ситуацией, ситуацией женского существа., необходимо, чтобы она начала понимать этот клочок универсального. Фраза «Я женщина» лишена частных случайностей, в ней есть уверенность. Она насмехается над предполагаемыми или признанными характеристиками женственности; для неё в этом нет ни проблемы, ни расчёта. Когда Сартр акцентирует то, что важен пол субъекта мышления и письма, мы можем ему верить. Он не заботится о возможной цене этого субъекта, он насмехается над идентичностью и над качествами субъекта, он думает непосредственно о теоретическом приложении, смешивая метод и политику.

Я не могу не трактовать эту мысль Сартра как эхо картезианского утверждения «я мыслю», существующего прежде любого доказательства. Даже в атаке на стереотипы, которую совершает Бовуар, осознание собственного бытия, бытия женщины, и возможность осмысления второго пола сконцентрированы в единственной исходной точке. Не это ли место Сартр называет в *Бытии и ничто* «дореклексивным *cogito*», самым условием картезианского *cogito*, предшествующим любой мысли? Сартр говорит о нём как о «абсолюте существования, а не сознания». «Абсолют существования» – данность точки начала рефлексии, удивляет меня ещё и потому, что он исключает любую дискуссию об уникальности и универсальности высказывания «Я женщина». Этот субъект ни слишком индивидуален, ни слишком общ. Это указание на гипотетический субъект знания. Это не женщина-субъект, в которой есть особая ценность, это субъект знания, эпистемологический субъект, в котором нет вторичных, т. е. половых, определений. Для этого *cogito* не требуется ни вершинной, ни глубинной психологии. В приведённой фразе идёт речь о «данности», а не об «объяснении». Данность, таким образом, проявляется в осуществлении мышления, а не в его причине, разуме, природе, не в том, что ему предшествует.

Уход от подобных дискуссий о природе, содержании, субъекте, который мыслит, соответствует здравому смыслу истории мышления. Клеманс Ройе¹⁹, философ-самоучка XIX века, публично за-

¹⁹ Fraisse G. *Clémence Royer, philosophe et femme de sciences*. Paris, La Découverte, 1984 (rééd. 2002).

являла, что говорит перед такими же женщинами, как она; её мышление осуществлялось телом, имеющим половую субъективность. Можно рассмотреть, каковы следствия признания этой субъективности для выражения мысли как женской или мужской; но это и необязательно.

Симона де Бовуар показывает нам себя женщиной, способной утверждать и обладающей желанием власти. Власти, а не бессилия. Можно заметить на полях, что психоанализ – это теория, упорствующая в том, что суть женского – отсутствие, из-за чего женщины способны, в лучшем случае, на осознание разрыва, в худшем – на уход от желания. Она не сомневается ни в том, каким субъектом она хочет быть, ни в том, что она знает о себе и может углубить это знание. Поэтому я упомянула только что о Клеманс Ройе. Её уверенность, в основании которой лежит осуществление разумности, можно отнести к малоизвестной, но в то же время значимой традиции истории женщин.

Перевод *Лины Медведевой*